

Руководитель машеровского призыва

20 лет назад не стало Владимира Игнатьевича Бровикова. «Он лежит на Новодевичьем кладбище в Москве. Головой к голове партизанского комиссара, одного из выдающихся лидеров республики и видного политического деятеля СССР Кирилла Трофимовича Мазурова. Простой белорусский хлопчик из Ветки. Поднявшийся во весь рост, чтобы спасти великую страну!»

Эти строки – о Владимире Игнатьевиче Бровикове. Написал их Владимир Севрук, который хорошо знал его по совместной работе в ЦК КПСС.

Всматриваюсь в черты лица, изваянные в мраморе... Да, именно таким он был, «хлопчик из Ветки», в годы своей зрелости – прямым, честным, непреклонным... В обыденной жизни – более мягкий, улыбочивый, добродушный. Да разве все это отразилось в камне? Чем больше задумываешься о его жизни и смерти, драматических, а порой и трагических изгибах его судьбы, тем явственнее чувствуешь волю, мужество и интеллект этого человека – сочетание редкостных качеств, оказавшихся, увы, не до конца востребованными в его время...

В 1974 году, когда Владимир Игнатьевич работал в аппарате ЦК КПСС, о нем было сказано: «Еще молодой, а какой настойчивый. А главное – ни под кого не подлаживается...» Слова эти принадлежат Сулову, в то время главному идеологу партии, второму после Брежнева лицу в государстве. Я понимаю: одно только упоминание фамилии Сулова может вызвать неприятие у некоторых современных «блюстителей демократии», давно зачисливших этого деятеля в разряд «одиозных фигур», «душителей свободы» и проч. Однако речь-то не о Сулове, хотя можно заметить: в чем-чем, но в людях этот партийный «мастодонт», пожалуй, разбирался. Уверен: у него были основания именно так, уважительно, отозваться о молодом сотруднике на заседании ЦК. Тогда Бровикову было 43 года, для престарелого Политбюро – возраст чуть ли не младенческий! Забегая вперед, скажу: такую оценку он оправдал всей своей последующей жизнью и деятельностью – всегда имел свою собственную точку зрения, даже

если она отличалась от общепринятой или той, которой придерживалось начальство или большинство...

Особенно ярко это проявилось в феврале – марте 1990 года в Москве на двух состоявшихся подряд Пленумах ЦК КПСС, где Владимир Игнатьевич, будучи членом ЦК и послом в Польше, дважды выступил, по сути, с вызовом Горбачеву и всей партийной верхушке.

О чем шла речь? Великая страна рушится. Экономика в жесточайшем кризисе. Полки магазинов пусты. Стремительно растут цены. На окраинах державы пылают кровавые конфликты. Было очевидно: нужны кардинальные перемены в деятельности партии и государства. Понимало ли это руководство страны? Видимо, понимало, а между тем острее проблемы замалчивались. Горбачев, как ни в чем не бывало, раздавал многословные интервью, встречался со своими «друзьями» – западными руководителями.

А на Пленуме ЦК в феврале 1990 года благодушно, в духе «одобряем-с» обсуждался проект «платформы» к предстоящему съезду партии. «Возмутителем спокойствия» стал Бровиков. Попросив слова, он подверг резкой критике проект: «В том виде, как он представлен, вряд ли приемлем и нуждается в серьезной доработке» (здесь и далее цитирую по тексту, опубликованному в «Правде». – Прим. авт.).

Владимир Игнатьевич устроил настоящий разнос этому документу: отметил его «излишнюю митинговость, даже некоторую крикливость, неточность содержащихся в нем оценок прошлого и особенно настоящего, идеологический эклектизм и отсутствие теоретической ясности»... И тут же – разящая ирония: «Общество, видите ли, насы-

тившись демократией, не лучшей жизни ждет сейчас, а буквально измаялось без поста президента». Намек был ясен: Горбачев давно уже вынашивал идею президентства, и через месяц с небольшим ему удалось, используя отработанное голосование выдвинутых властью депутатов, осуществить свою мечту.

«Мы как-то стараемся все доказать, что народ за перестройку, – продолжал Бровиков. – Но позволительно спросить: за какую? Не за ту ли, которая за неполных пять лет ввергла страну в пучину кризиса, подвела ее к черте, у которой мы лицом к лицу столкнулись с разгулом анархии, деградацией экономики, гримасой всеобщей разрухи и падением нравов... Утверждать в этой ситуации, что народ «за», что все это ему по нраву, по меньшей мере, политически непорядочно, – и, апеллируя к замершему залу, добавил: – Да что тут говорить, вы и сами знаете, товарищи...»

Но «товарищи», затаив дыхание, молчали. Они и сами видели и чувствовали: оратор прав, однако у большинства из них не хватало ни смелости, ни решимости сказать об этом вслух. А Бровиков, между тем, продолжал размышлять о «перестройке» – любимом детище Горбачева, им же заболтанном и дискредитированном: «Это понятие мы лихо ввели в оборот, но не потрудились наполнить его конкретным и ясным содержанием. Это результат нашей гипертрофированной амбициозности, личных ошибок, которые допустили руководители нашей партии и государства».

А это уже под ребро генсеку и его команде... Думаю, они пожевались, слушая объективный и бескомпромиссный анализ своей деятельности. Выступление продолжалось: «Виноваты, видите ли, не руководители в центре, а исполнители на местах. Стало модным списывать все наши грехи на «проклятое прошлое». А мы-то уже давно расхлебываем не суточные щи вчерашнего застоя, а кашу, заваренную сегодня, из продуктов перестройки»...

Образно, ярко, глубоко! Чувствуется, что журналистское образование, работа в печати не прошли для Владимира Игнатьевича даром. Его выступление на Пленуме – яркий образец публицистики высокой про-

Владимир
Игнатьевич
Бровиков

бы, основанной на всестороннем анализе общественно-политической ситуации и глубоко продуманных выводах: «Вся наша трагедия сегодня в том, что по-прежнему мы никак не можем отказаться от единоличной власти в государстве и партии. Часто руководим по наитию, некомпетентно, недальновидно, заботясь не о благе Отечества, а о других, может быть, больше личных амбициях».

Бровиков знал, перед какой аудиторией выступает: хотя многие его коллеги грешили двуличием, но не прощали неискренности другим. Именно таким лицемерам, очевидно, адресовались слова: «Решился, товарищи, на это выступление потому, что считаю необходимым наконец-то отказаться еще от одного принесшего нам немало бед в прошлом порока, когда мы своих высших руководителей со всей смелостью и отвагой критиковали лишь после их физической или политической смерти. Почти убежден, что все, кого касается моя сегодняшняя критика, так же как и те, кто по старинке еще занимается подхалимажем, тут же отнесут меня к «бетону». У нас ведь принято уже, что в «перестройщики» зачисляются те, кто подпевает, а те, кто критикует, нарекаются консерваторами».

Читаем дальше: «Конкретное предложение: снять из платформы положение о президенте, о председателе и заместителях в партии, так как не в этих должностях суть и не в том, какие мы кабинетные революции проведем. Дело в том, как будет действовать партия, какую политику она будет проводить, какие цели преследовать».

На такой высокой ноте Бровиков и закончил свое выступление на Пленуме ЦК КПСС в феврале 1990 года. Предложения четкие, логичные, но все понимали: это – глас вопиющего в пустыне. Плетью обуха не перешибешь... Не услышали. Не захотели услышать! Конечно, чувствовал это и Бровиков: его предложения, увы, повисли в воздухе. Вот почему на очередном Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся почти через месяц, что само по себе свидетельствовало о его чрезвычайности, он снова попросил слова...

На этот раз Владимир Игнатьевич выступил в ином ключе: как выполняются решения предыдущего, XXVII съезда партии: «Да-